

Лишь когда он с людьми и оружием окружил фамильное поместье Семьи Шэнь, когда пуля вошла в тело того мужчины и тот рухнул в лужу крови, Шэнь Фань понял: мужчина, которого он изо всех сил ненавидел, уже глубоко врос в его кости и плоть.

Даже в смерти ему не стереть те следы, что оставил этот мужчина.

Он смутно чувствовал: у мужчины было слишком много возможностей переломить ход игры, и любого случайного раза хватило бы, чтобы вергнуть его в пучину вечных мук —

В конце концов, этот мужчина столько лет властвовал в этих краях, и по сравнению с ним он сам был еще совсем зеленым юнцом.

Но Шэнь Фаня это не волновало.

Он даже не оставил себе путей отхода. Он знал, что похож на пешку в руках мужчины: стоило ему переступить черту или надоесть хозяину, как его наверняка смахнули бы с доски.

Поэтому он снова и снова испытывал судьбу — в ужасе и страхе, но одновременно с непонятным восторгом. Он не знал, где пролегает предел терпения мужчины.

До сегодняшнего дня.

Когда мужчина, обхватив его за талию, грубо, без всякой подготовки и смазки вошел в него, Шэнь Фань почувствовал, как трепещет его душа.

Он не понимал, от боли ли это или от возбуждения, он знал лишь одно — ему стало легче, будто он смог наконец свободно вздохнуть.

Этот день наконец настал —

Мужчина больше не сдерживался ради него, больше не оберегал его с нежностью, больше не потакал любым его капризам.

Тот день, наступления которого он день за днем страшился и боялся, наконец пришел.

Шэнь Фань думал, что должен почувствовать облегчение, но почему-то на щеку упала слеза.

Сделав вид, будто ничего не заметил, он подавил рвущиеся из горла рыдания и глухо стонал, пока мужчина не перевернул его в том же положении.

Ах...

Шэнь Фань поклялся себе, что это были лишь физиологические слезы, залившие все лицо.

Заметив это, мужчина помрачнел. Его нижняя часть тела яростно подалась вперед, вбиваясь глубже. Впервые за столько времени на лице мужчины проступило нечто мрачное:

— Ты так сильно любишь этого мальчишку из Семьи Ду? ...Или он не может удовлетворить тебя, раз тебе каждую неделю нужно искать добычу на стороне, м?

Шэнь Фань никак не ожидал, что мужчина поймет его неправильно именно в этот момент. Он попытался что-то сказать, но всё, что слетало с его губ, превращалось лишь в высокие и низкие, томные стоны.

Шэнь Цунъань не дал Шэнь Фаню ни малейшего шанса заговорить — Всего в одной стене отсюда бушевала буря: пикантные слухи о человечке, которого он оберегал больше двадцати лет, и о другом мужчине гремели на весь город. Будучи человеком высокого положения, Шэнь Цунъань привык получать всё, чего ни пожелает, но вот завоевать сердце этого мальчишки он так и не смог.

Он не смел дать Шэнь Фаню возможности заговорить, боясь услышать из тех несговорчивых уст имя другого мужчины. И ещё больше он боялся, что тогда действительно не сдержится и забьёт Шэнь Фаня до смерти прямо здесь, на этой кровати.

Семья Шэнь — вот что он отдал в руки Шэнь Фаня по собственной воле. Вместо того чтобы однажды не совладать с живущим внутри свирепым зверем и совершить поступок, о котором пришлось бы жалеть всю оставшуюся жизнь, было проще сразу передать всю полноту власти Шэнь Фаню.

Как редко встретишь человека, ради которого даже умереть было бы не жалко.

Последовало редкое, долгожданное затишье.

Шэнь Фань беспмятно спал на руках у Шэнь Цунъаня, на его бледных щеках ещё блестели дорожки слёз.

Шэнь Цунъань двигался предельно осторожно, слизывая влагу поцелуями.

Он молча вглядывался в его лицо добрых полминуты, прежде чем нахмурившись подняться. Без малейшего усилия подхватив на руки обнажённое тело, сплошь покрытое двусмысленными алыми следами, он направился в ванную комнату при главной спальне.

Наверное, всё было слишком бурно, потому что лицо юноши слегка побледнело, а сон был настолько глубоким, что казалось, будто он даже не дышит.

Судя по всему, в этот раз ссора со щеглом из семьи Ду выдалась на редкость серьёзной — куда там прошлым разам, когда он просто уходил сразу после всего.

Шэнь Цунъань и не догадывался, что на самом деле Шэнь Фань просто наконец отпустил то, что годами тяжестью лежало у него на душе, искренне поверив, что дождался финала, а потому и погрузился в такой мертвецкий сон.

Донеся его до ванной, Шэнь Цунъань опустил его в пустую ванну, снял рубашку, включил душ и тщательно проверил температуру воды, прежде чем наполнять её.

Шэнь Фань с затуманенным сознанием позволял манипулировать со своим телом. Медленно приоткрыв глаза, он увидел полуобнажённого мужчину, который с сосредоточенным взглядом

и величайшей осторожностью — словно выполняя ювелирную работу — обмывал его.

Раньше эта картина была ему до боли знакома, но после того, как Семья Шэнь сменила владельца, он больше никогда не давал мужчине подобного шанса.

Навалившаяся усталость снова утягивала его в темноту. За мгновение до того, как веки сомкнулись, яркий серебряный отблеск внезапно резанул глаза.

Тонкая белая рука судорожно вцепилась в руку Шэнь Цунъяня. Тот замер, поднял взгляд на Шэнь Фаня, а затем проследил за направлением его глаз — прямо на своё запястье. То был серебряный браслет, который прятался в его рукаве с самого переезда в эту виллу. Семь лет назад, в вечер шестнадцатилетия Шэнь Фаня, Шэнь Цунъянь протянул его ему. Это был единственный скромный, грубый и неподобающий серебряный браслет, который Шэнь Фань заработал тайным трудом.

В тот миг, когда он разглядел этот подарок, о котором уже почти забыл спустя столько лет, в голове Шэнь Фаня словно сверкнула молния.

В его сердце зародилась догадка, которую он сам находил нелепой.

— Кажется, он нашел причину, почему мужчина баловал его практически без всяких границ.

С этой дерзкой догадкой он поднял голову и прямо посмотрел на мужчину, а затем нашел свой ответ в тех по-прежнему спокойных, угольно-черных глазах.

Спустя мгновение Шэнь Фань вцепился в руку мужчины и внезапно закинул голову назад, рассмеявшись. Этот смех был безудержным, и хотя из-за некоторых обстоятельств в нем чувствовалась слабость, по голосу было ясно, в каком восхитительном настроении пребывает его хозяин.

Утихнув, Шэнь Фань вернулся к своему прежнему бесстрастному состоянию, вот только слегка приподнятые уголки его глаз словно источали чарующую весеннюю негу. Он наклонился к самому уху молчаливого мужчины, и его алые губы беззвучно шевелились:

— Оказывается, ты ведь любишь меня... Тебе конец, отец.

Ответ Шэнь Цунъяня был обычным донельзя: прерванное движение возобновилось, и даже его сосредоточенность ничуть не изменилась.

Шэнь Фань несколько не рассердился. Впервые за столько лет он испытал это ощущение контроля над мужчиной, стоявшем перед ним; это чувство опьяняло не хуже крепкого вина.

Раньше он вел себя вольно, а теперь и вовсе потерял всякий страх.

Он приник к плечу мужчины и вонзил острые клыки в мышцы на его шее, словно ребенок, играющий со своей собственной игрушкой — весело и небрежно:

— Отец... с чего бы тебе любить меня — и когда это началось?

Движение вновь было вынужденно прервано. Ощущая покалывание в области шеи, Шэнь Цунъань знал, что эта маленькая бестия не остановится, пока не наиграется вдоволь, а потому снисходительно прижал к себе промокшего насквозь человека и откинулся назад:

— Не помню.

— И впрямь не помнил. Он не помнил, с каких пор, глядя на послушного и немногословного ребенка, стоявшего перед ним, глядя на то, как его тело всё больше теряет детские черты, он начал ощущать глубокий голод, рождавшийся из бездонной пропасти желаний. Он всегда отличался самообладанием и давно привык подавлять любые эмоции, однако те несколько раз, когда он оказывался перед тем мальчишкой, едва не терял над собой контроль. Он пытался найти похожих мальчишек, но стоило ему взглянуть на них, как перед глазами и в сердце неизменно вставал другой образ — он почти сводил себя с ума.

Вплоть до вечера шестнадцатого дня рождения Шэнь Фаня.

Малыш, впервые попробовавший алкоголь с молчаливого попустительства его подсознания, распахнул влажные глаза. Облаченный лишь в наспех наброшенный после душа халат, с босыми белыми ступнями, он оставлял за собой мокрые следы, вбегая в его спальню. Когда малыш протянул ему далеко не изысканный серебряный браслет и с надеждой заглянул в глаза, он слышал, как тяжелые железные ворота тюрьмы, долгие годы наглухо запертой в глубинах его существа, с грохотом распахнулись, и алчный зверь плотских желаний выпустил на волю острые когти...

К тому моменту, когда к нему вернулся рассудок, измученный Шэнь Фань уже без чувств лежал под ним, залитый слезами, а на белой простыне темнели глазастые пятна крови.

...С тех пор остановиться было уже невозможно.

— Пусть даже тебе нравится тот чистый дурачок...

Шэнь Фань обвился руками вокруг шеи мужчины и, понизив голос, рассмеялся:

— А что было потом? Твой забавный ручной мальчик, с которым ты делал все, что хотел, он тебе всё еще нравится? А нынешний... который крутит шашни с Ду Чэнцзином, чье тело так алчно и неизменно молит тебя ожесточенно трахать его... я... — говоря это, он вдруг сам рассмеялся, но в этой улыбке сквозила лишь горькая насмешка. — Отец, неужели он всё еще тебе нравится, а?

Шэнь Цунъань не ответил. Он молча смотрел на Шэнь Фаня, и тишина между ними затянулась — настолько надолго, что улыбка Шэнь Фаня начала увядать.

Шэнь Цунъань внезапно поднял руку и мягко ухватил Шэнь Фаня за подбородок:

— Он прикасался к тебе?

Улыбка Шэнь Фаня мгновенно застыла. Придя в себя, он с силой оттолкнул руку Шэнь

Цунъаня, а его слегка сузившиеся глаза стали еще яростнее:

— ...Повторите еще раз, я не расслышал.

— ...Это я был неправ.

Шэнь Цунъань поцеловал Шэнь Фаня, который злобно уставился на него, точно маленький волчонок, готовый в следующую же секунду броситься и вцепиться в горло, и невольно усмехнулся:

Спустя месяц после того откровенного разговора Шэнь Фань больше не появлялся на вилле за городом.

Шэнь Цунъань уже привык к этой тишине. За весь месяц его навещали лишь несколько старых друзей.

Кто-то из них шутил, будто его сослали в холодный дворец.

Сначала он отмахивался улыбкой, но оставаясь потом в одиночестве и оглядывая пустые, холодные комнаты, Шэнь Цунъань ловил себя на том, что и сам чувствует нечто подобное.

Однако ровно через месяц Шэнь Фань явился на порог точь-в-точь в назначенное время, да еще и привел с собой еще одного человека —

Ду Чэнцзиня. — Отец, я привёл друга навестить вас.

Войдя в дом, Шэнь Фань вёл себя точь-в-точь как воспитанный и любящий сын.

Наблюдая за тем, как Шэнь Фань — который перед ним вечно то выпускал коготки, то проявлял острую нетерпимость — сейчас демонстрирует столь учтивый, кроткий и почтительный вид, Шэнь Цунъань испытывал невероятно сложное, не поддающееся описанию чувство.

Однако Шэнь Цунъань всё же не был юнцом двадцати-тридцати лет, чьи эмоции всецело зависели от мимолётных порывов. Он вёл себя как самый обычный отец, к которому сын привёл гостя: его манера держаться и тон были безупречны — ни холодности, ни излишнего панибратства.

Что же до Ду Чэнцзиня, то он уже давным-давно замер на месте. По дороге сюда он перебрал тысячу возможных сценариев, но никак не ожидал картины столь идиллической сыновней престижности и отцовской заботы. Не говоря уже о ходивших в народе слухах про Шэнь Цунъаня, один лишь этот внешне послушный и кроткий Шэнь Фань был способен повергнуть его в шок.

— ...И впрямь ты.

Стоявший рядом с Ду Чэнцзином Шэнь Фань неожиданно произнёс это вполголоса.

Ду Чэнцзинь опешил:

— А?

Шэнь Фань поднял взгляд и усмехнулся:

— Ничего.

После чего уверенно направился вглубь дома.

Ду Чэнцзинь смотрел на спину удаляющегося парня с некоторым недоумением. Ему всё казалось, что не виделись они всего месяц, а в Шэнь Фане словно появилась какая-то неуловимая перемена.

А сам Шэнь Фань в этот момент — если говорить точнее, это был Шэнь Фань, к которому полностью вернулась память, столь странно пропавшая с самого момента его попадания в этот мир, — глядя на идущего впереди Шэнь Цунъяня, глубоко и многозначительно улыбался.

...Даже лишившись воспоминаний, они всё равно умудрились запутаться в тугой узел и выполнить большую часть сюжетных задач системы. Подобная злая воля судьбы поистине предопределена небесами.

Вот только на сей раз всё иначе: на этот раз ты сам первый ко мне привязался... Как упустить столь редкую возможность, Янь Хуайцзинь?

Ду Чэнцзинь и Шэнь Фань пробыли там до самого ужина. Атмосфера царила ни холодная, ни жаркая, втроём они перекидывались редкими фразами, однако взгляд Шэнь Фаня то и дело норовил невзначай упасть на Шэнь Цунъяня.

Шэнь Цунъянь лишь делал вид, что ничего не замечает, улыбался мягко, без малейшего намёка на былую остроту, так что даже Ду Чэнцзинь постепенно успокоился.

Не заметив в поведении этого человека никаких отклонений, Шэнь Фань даже мысленно не мог не воздать должное его выдержке: с таким-то гордым и холодным видом, если бы он сам всего месяц назад не предавался с ним безумствам в спальне, он бы и впрямь подумал, что перед ним Янь Хуайцзинь, сменивший личину благодаря психологической устойчивости уровня трижды плюс.

Впрочем... Так ведь куда интереснее, верно?

Шэнь Фань многозначительно улыбнулся, опустил палочки с пиалой, и его глаза, казалось затуманенные влагой, обратились к Ду Чэнцзиню:

— Отец лично обустроил оранжерею, там очень красиво. Пойдём взглянем?

Это обращение «отец», произнесённое так непринужденно, словно стерлись все расстояния и границы между ними, сокрушило самообладание двоих.

Ду Чэнцзинь испугался, мысленно подумав: а вдруг этот легендарный господин Шэнь Цунъань, способный улыбаясь решать чужие судьбы, узнает, что он вообще-то парень Шэнь Фаня, и без лишних слов вытащит ствол да грохнет об стол?

Шэнь Цунъань же ответил прохладной усмешкой, и в его угольно-чёрных зрачках затаилось нечто мрачное и нечитаемое.

— Отец, что скажете? — лучезарно улыбаясь, Шэнь Фань повернулся к нему.

— ... — Шэнь Цунъань молча поднял взгляд. Остатки растаявшей улыбки почти стёрлись, а в глубине глаз бурлили эмоции, готовые в следующее мгновение обрести плоть, но пару секунд спустя он всё же подавил их. — ...Раз хочешь — ходите.

— Спасибо, отец.

Шэнь Фань кивнул и поднялся:

— Пойдём, Чэнцзинь.

Ду Чэнцзиню оставалось лишь набраться храбрости и последовать за ними.

Шэнь Цунъань, всё так же сидевший за столом, опустил веки с абсолютно бесстрастным выражением лица, и лишь слоновая кость зажатых в его руке палочек в какой-то момент незаметно изогнулась.

Мгновение спустя, издав тихий вздох, Шэнь Цунъань отложил палочки и поднялся вслед за ними.

Двое впереди уже вошли в оранжерею.

Строго говоря, это место походило скорее на небольшой ботанический участок: травянистые и древесные растения стояли сплошной стеной, причём немало нашлось и таких, что выглядели устрашающе и агрессивно, а вот пестрых цветов и впрямь почти не наблюдалось.

Оранжерея занимала всего несколько десятков квадратных метров, но потолок был подвешен невероятно высоко — видимо, для того, чтобы древесные растения могли беспрепятственно тянуться вверх.

На столь скромной площади требовалось разместить представителей самых разных семейств и

родов, что, разумеется, требовало немалых хлопот: нужно было выдержать дистанцию и обеспечить защиту опыления, из-за чего оранжерея казалась слегка тесноватой.

За исключением лишь одного места.

Ду Чэнцзинь озадаченно оглядел этот пустующий пяточок размером в пару квадратных метров и недоверянно спросил:

— А это зачем здесь оставлено?

Шэнь Фань улыбнулся, но промолчал, переведя взгляд на шествующего сзади мужчину:

— Отец, Чэнцзинь спрашивает, для чего нужно это место?

Шэнь Цунъань проследил взглядом за указательным пальцем Шэнь Фаня, и даже на его лице на мгновение промелькнуло неуловимое замешательство. Опомившись, он помрачнел и посмотрел на безмятежно улыбающегося Шэнь Фаня.

Шэнь Фань, прислонившись к длинному столу, улыбался во весь рот. Его лицо поражало яркой красотой, а затаившаяся в глазах насмешка походила на не прикрытый ничем вызов.

— ...Я вырастил там волчонка.

Шэнь Цунъань отвёл взгляд, его голос прозвучал ровно и мягко:

— Ему нравилось пропадать в оранжерее, и он был не слишком послушным. Кое-какие растения здесь ядовиты, и я боялся, что он случайно заденет их, поэтому выкорчевал ту флору, оставив после себя лишь эту пустую площадку.

На сей раз опешил уже Шэнь Фань — он-то думал, что это просто клочок заброшенной земли, и понятия не имел, какая история скрывается за ним.

— А где же этот волчонок? — на этот раз Ду Чэнцзинь нетерпеливо выпалил вопрос, явно проявляя к хищнику куда больший интерес, чем ко всякой зелени и цветам.

Шэнь Цунъань опустил веки:

— ...Он ушёл.

— А? — Ду Чэнцзинь слегка остолбенел. — Ушёл?

— ...

Шэнь Фань стер с лица улыбку и тяжело, не мигая, уставился на мужчину, но молчал.

— Да, ушёл. — Шэнь Цунъань поднял руку и коснулся ветки розоцветного кустарника поблизости. Твёрдый шип упёрся ему в подушечку пальца, затем вонзился в кожу, оставив каплю ярко-алой крови, выступившей на пальце.

Но он лишь усмехнулся — в его улыбке сквозило какое-то горькое сожаление, но вместе с тем и подобие облегчения. Глядя на Шэнь Фаня, он переполнился нежностью и тоской.

— Несколько дней назад ему исполнилось сорок лет...

Шэнь Фань вздрогнул.

Шэнь Цунъань продолжал улыбаться, видя его лицо:

— Я уже старею, а он ещё так молод... Он проживает самую дерзкую и прекрасную пору своей юности, как могу я тянуть его за собой в бездну?

— Ты разве спрашивал его? С чего ты взял, что он не хочет туда прыгнуть?

Сбросив маску почтительной учтивости, Шэнь Фань посмотрел на него острыми, прохладными глазами.

Шэнь Цунъань покачал головой:

— Я не спрашивал. Но мне жаль.

Шэнь Фань потрясённо замер. Пожалуй, это был первый раз, когда он слышал от этого человека столь откровенные любовные признания.

Однако не успел он хоть как-то отреагировать, как Шэнь Цунъань уже повернулся к ничего не понимающему Ду Чэнцзиню:

— Пусть он даже не прирученный волчонок, но он прежде всего моё сокровище. Если я узнаю, что ты хоть в чём-то перед ним виноват, беги хоть на край света — Семья Ду не спасёт твоё тело от поругания.

Пока ошеломлённый Ду Чэнцзинь хлопал глазами, Шэнь Цунъань уже развернулся и вышел.

Шэнь Фань действительно оказался застигнут врасплох. Он бросился вдогонку, неотступно преследуя не замедлявшего шага мужчину вплоть до главной спальни на втором этаже.

Стоило ему переступить порог, как заблаговременно вставший у двери мужчина резко вскинул руку, захлопнув створку и повернув замок.

В следующее мгновение Шэнь Фань оказался прижат спиной к стене.

Опомнившись после секундного оцепенения, Шэнь Фань насмешливо усмехнулся:

— И этот приём — добиваться желаемого, отталкивая — ты тоже освоил? А говорил с таким благородством... Оказывается, всё это было лишь представлением для меня!

В глазах Шэнь Цунъяня клубились глубокие, мрачные тени. Выдержав долгую паузу, он вымолвил:

— Тебе не следовало возвращаться и снова испытывать моё терпение, Шэнь Фань.

Шэнь Фань, уперевшись одной рукой в стену и подперев голову, смеялся так, что не мог остановиться. Наконец, под этим тяжёлым взглядом он подался вперёд, прильнув к плечу мужчины. Его длинные загнутые ресницы, казалось, заигрывали с чужой кожей, однако слегка приподнятые уголки глаз до краёв наполнились зловещим весельем:

— Шэнь Цунъянь, господин Шэнь... Это ведь ты первый полез ко мне. А теперь, когда правила игры стали тебе не по зубам... неужели ты и вправду думаешь, что сможешь выйти сухим из воды?

Шэнь Цунъянь остался непоколебим. Выражение его лица было бесстрастным, но взгляд он отвёл первым:

— ...Я отдал тебе всё, Шэнь Фань.

— То, что ты мне отдал, мне даром не нужно.

Прильнув к самому уху мужчины, Шэнь Фань заговорил голосом, в котором сквозило колдовское очарование:

— Мне нужен ты... Ты целиком и полностью. Отдай мне всего себя, — смелости хватит?

Угольно-чёрные зрачки мужчины сузились.

Эта минута тишины тянулась словно целый век, пока наконец не раздался мягкий голос мужчины:

— Если я отдам — посмеешь ли ты взять?

Шэнь Фань рассмеялся:

— С чего бы мне не сметь... — он вскинул голову, глядя прямо в глаза мужчине. — Моя совесть чиста.

— ...Шэнь Фань, я давал тебе шанс отступить.

Шэнь Цунъань опустил веки, и уголки его губ тронула улыбка:

— Ты сам от него отказался.

На следующий день скандал привлёк к особняку Семьи Шэнь недоумённые и сложные взгляды со стороны.

Когда Ду Хуайцинъ, сжав в руке скандальную газетенку, перешагнул порог поместья Семьи Шэнь, он сам не мог понять, чего в нём больше — злости или облегчения. Впрочем, последнее он, разумеется, и не думал выставлять напоказ. Сейчас ему предстояло подойти к этому грязному типу, праведно и сурово обвинить его — пускай, возможно, вины того здесь напрямую и не было, — а затем на абсолютно законных основаниях порвать с ним всякие связи.

С этого момента ему больше не придётся жить в тени этого безумца, которого он терпеть не мог, но которому был вынужден подчиняться ради того, чтобы закрепиться в Семье Ду.

При этой мысли Ду Чэнцинъ чувствовал себя готовым подпрыгнуть от радости.

Однако, швырнув газету прямо перед Шэнь Фанем, он не увидел ни паники, ни растерянности на лице того, чего так ожидал: парень выглядел донельзя спокойным и даже довольным.

<http://bllate.org/book/21680/2236417>